

«СКВОЗЬ ОПРОКИНУТОСТЬ НЕБЕС...»

В своей первой книге стихов Тамара Шульга заявила читателю: «Во имя новых городов — за нами ляжет магистраль». Называлась эта книжка романтично — «Летающие кони» (Хабаровск, 1977), а общий ее настрой был созвучен умонастроению большинства молодых бамовцев — «все впереди, все еще сбудется!» Заявка получилась интересной, но уж больно маленькой вышла книжечка, всего-то двадцать девять стихотворений. И вряд ли она полностью отражала многообразие духовной жизни автора. Правда, и времени на творчество почти ведь не было: стройка действительно разворачивалась грандиозная...

И перед Тамарой вставали вопросы быта, а равно и бытия. За плечами остались школьные годы, проведенные на железнодорожной станции Заринской Алтайского края, учеба в Барнаульском строительном техникуме, работа в институте «Алтайколхозпроект». И вот — новое дело. Пригодится ли она на строительстве железной дороги? Найдет ли ту точку опоры, с помощью которой хотелось перевернуть свой душевный мир, потрясенный первыми столкновениями идеалов и суровой действительности? В чемодане лежала тоненькая тетрадка стихов, кое-какие из них она уже успела опубликовать в газете «Молодежь Алтая».

Поселок Тындинский принял Тамару спокойно, как и десятки других искателей счастья. Первые два года были вполне спокойными, бровастый генсек не успел благословить комсомолом на съезде, стройку еще не всколыхнул массовый приток энтузиастов. Любопытно, что именно пионеры БАМа и оказались впоследствии его старожилыми. Начинала Т. Шульга рядовым инженером в управлении строительства «Бамстройпуть». Перед ней в чертежах разворачивались контуры будущей дороги, воскресавшей после бамлаговских, а затем уже военных лет, периода восстановления и накопления сил. Командировки на трассу, неустроенный быт «столицы БАМа», новые знакомства, масса впечатлений вновь заставили ее взяться за перо.

Не секрет, что многие новоявленные бамовцы семидесятых годов своим приездом на строительство пытались стряхнуть с себя груз ошибок и разочарований прошлых лет, забыть о случившихся потерях. Романтический пафос массового вторжения на север Забайкалья и Приамурья кружил головы молодым журналистам... «Бредить стихами» — на это способна од-

на лишь бескорыстная юность. С 1974 года пять раз прошла Тамара по кругу, которого иным «варягам» хватало, чтобы обзавестись коврами, «Жигулями» и прочими благами. Но не помыслила уехать с БАМа.

Семь лет минуло после дебюта «Летающих коней», и вот состоялась новая встреча с читателем: вышла вторая книжка в издательстве «Современник» в 1984 году — «Майский снег».

В этой книжке перед всесоюзным читателем предстала интересная и открытая собеседница. Пожалуй, как никогда раньше, верна Тамара Шульга нравственной установке, провозглашенной ее соратницей по тындинской литстудии «Звено» Надеждой Пузыревской, о «боязни слов пустых и громких, красивых фраз на злобу дня». Громкие слова претят ей, ценность людей определялась поступками.

Мои друзья — градостроители
с морщинками у жестких губ.
они такое в жизни видели,
что вряд ли где-нибудь солгут.

В стихотворении «Тында» воспоминания о трудностях первоустройства, когда едва ли не главной радостью было то, что в осеннее ненастье не протекает палатка, соседствуют со словами гордости за свой «настоящий город», в котором этажи новой Красной Пресни вознеслись «до туч лохматых», а люди загадывают жить так прекрасно и впредь «сто лет, не меньше».

Однако ошибется читатель, вздумавший с ходу, что, взяв в руки книги Шульги, он заполучит поэтическую хронологию строительства Байкало-Амурской магистрали. Если в первом сборнике только однажды упоминалось это магическое слово — «магистраль», — то во второй и подавно. Ее главное правило очень простое: не писать о том, чего не знаешь и чему не был свидетелем. Вот почему мы не найдем у Т. Шульги живописаний стыковок «серебряных» и «золотых» звеньев, картин «покорения» природы, парадных репортажей и портретов бамовских знаменитостей... Читая ее стихи, невольно приходишь к мысли, что это очень похоже на задушевный разговор с самыми близкими людьми, перед которыми совершенно невозможно и глупо красноречиво, которым не нужно долго объяснять, что к чему, а можно сразу о главном, о наиболее важном.

Книга получилась лирико-философской и в значительной степени исповедальной. Круг ее тем невелик: совсем немного стихотворений о БАМе (в первую очередь — о Тынде), воспоминания о родном Алтае, цикл стихов о детстве, раздумья о творчестве и о любви.

Творческому почерку Т. Шульги свойственны короткие, энергичные строчки, небольшие — восьми- и двенадцатистроичные — миниатюры, так похожие на слепки состояния души или на моментальные фотографии. Т. Шульга не страдает комплексом надмирности, не склонна поучать, ибо сама во многом сомневается, многому удивляется...

Встану утром рано-рано,
тихо шторы отведу:
осторожные туманы
по утрам живут в саду...
Все таинственно и странно
сквозь прохладное стекло.
Неужели от тумана
на душе светлым-светло...

Многочисленные отточия в стихах как бы подчеркивают смысловую неограниченность, заставляя подумать: а что же осталось «за кадром», за словно бы оборванной строкой?

И все-таки «Майский снег» не был лишён серьезных недостатков. Говорю так не по обязанности критика, а по прямому долгу давнишнего товарища автора. Почти все стихи Тамары мне довелось в свое время читать в рукописях, когда на занятиях в литстудии «Звено» заперепиши всех дел и добрый наставник молодых и юнцов начинающих поэтов Олег Федотович Головок, бывший зам. начальника дирекции БАМа, тщательно перепарировал строчки собратьев, вылавливая в них редкие жемчужные зерна. У Шульги они были видны даже при свете свечей, которые мы возжигали не ради романтического интима, а потому, что в студеные зимние дни частенько отключали электроэнергию в жилой части Тынды, чтобы сохранить свет и тепло на пусковых объектах, строительство которых велось круглосуточно.

Едва ли не половина сборника «Майский снег» отдана стихам о любви. Остается неудовлетворение при чтении этого цикла. Меняется от стихотворения к стихотворению погодный антураж (снега, туманы, дожди и солнечные дни), а позиция автора, варьируясь лишь интонационно, остается неколкимбо жертвенной, страдальческой: «если б знать, когда расстаться, чтобы быть с тобою вечность...», «не трогай ничего, что было...», «не надо жалеть ни о чем...», «давай друг друга отпустим, как отпускают любимых...», «полюби, погуби, но не мучай, не мучай...», «не замечай меня, иди...», «я жива дикой болью подстреленной птицы...», «ничего не жалею, ни о чем не скорблю...» — и т. д. и т. п. Монотонность неменяющегося чувства убавливает, притупляет остроту душевной боли... Конечно, трудно после Ахматовой и Цветаевой найти особую линию своего лирического поведения. Но искать необходимо. Свое, только свое.

И все-таки в целом вторая книга оставила ощущение, говоря словами автора, «чувства солнца и удачи». Светлым чувством окрашены стихи Т. Шульги, воскрешающие ее собственное детство и посвященные сыну Димке. Они составляют, пожалуй, один из самых удачных разделов книги.

Едва на дно хрустальной вазы
проник рассветный тонкий луч —
проснулся мальчик сероглазый
веселым солнцем из-за туч.
На целый миг
в огромном мире
ко мне головкою приник...

И загремел по всей квартире
его железный грузовик.

Третья книга Тамары Шульги появилась в 1986 году. Получилось нечто вроде избранного, только более расширенного по составу в сравнении с «Майским снегом». В письмах последних лет (с позволения Т. Шульги я процитирую кое-что из них) настоящей калейдоскоп переживаний: «Когда слышишь свои стихи из чужих уст, недостатки видней...», «Иногда устаю так, что начинаю подумывать, а не избавиться ли от стихов? В конце концов большинство женщин живет и здравствует без этих мук. Даже уже пыталась, но тогда я перестаю быть собой и, вообще, быть человеком...», «Попробовала не писать — не смогла, так как для меня это — форма существования...», «Если у человека она (жизнь — И. И.) безупречна — это уже не жизнь, а таблица умножения...», «Я все делаю попытки вырваться из своих восьми строк...», «Жить стало интересней, только уж очень сутки коротки...»

Иногда поэтов на литвечерах вопрошают вполне искренне, что является главным в их творчестве. Применительно к Тамаре Шульге это означает, что от нее ждут ответа, в котором названо будет нечто бамовско-экзотическое. А что? Действительно, экзотика наличествует, ведь пишет же человек: «На закате осенней порой обронила птица перо. И, качнув облака и ветви, подхватил его сизый ветер и носил над сушей и морем...» Но одновременно кажется, что поэт чего-то недоговаривает, утаивает что-то... Значит, не всеми болезнями роста переболела Тамара. Не от упрямства ли это? Ведь признается же она, что ею движет стремление «опять идти на свет той звезды, которой нет...»

С годами в ее стихах все больше входят простые речения, которые делаются поэтическими лишь в контексте конкретного стихотворения. «Извлеченные» оттуда, они теряют цвет и жизнь, подобно тому, как радужный хариус, выхваченный из студенной стремнины, на глазах угасает... На палитре Тамары Шульги в основном акварельные краски, но и они способны создавать мощные цветовые аккорды.

А что любовь?

Всего лишь дождь.

Короткий дождь в начале лета,
которого всю зиму ждешь
и сам не ведаешь про это.

Бывает гром и молний блеск,
и ветры стонут и гудят,
и неба рухнувшего треск...

А после — тихий шум дождя.

И пятнадцать лет назад было видно, что стихи Тамары Шульги — настоящая поэзия, только это золото не коренное, подобное жале в скале, а крупинки самородного россыпного. Всего лишь три книжки вешками стали на немалом уже пути. Привыкли у нас издатели держать поэтов в черном теле — в одни убытки обходится, мол, печатание их книжек. Но кто посчитал, какими моральными, духов-

ными убытками оборачивается подобная «экономия»? Вот и стоят молодые талантливые стихотворцы, дыша друг другу в затылок, годами в долгой очереди, ожидая свои два-три печатных листа опубликованных стихов.

«Стихов не пишу. Читаю детективы...» — это из письма Тамары уже после ее приема в Союз писателей. Конечно, для отработавшего день на производстве человека и такого чтения вполне достаточно для внутреннего, так сказать, удовлетворения. А у меня сжимается сердце: ведь это говорит человек, отмеченный знаком поэтического дара, способный нести в себе людскую боль (а что такое поэзия, как не выражение боли?). Еще ей хватает сил на грустную улыбку: «Ветер срывался со скал, сединой меня метил, морозом ласкал...»

Да, нелегкая это доля — «жить в феврале», на «стылой земле». Но в том-то и дело, что земля эта — родная, неповторимая, незаменимая...

И. ИГНАТЕНКО